

Фёдор Михайлович Достоевский приходил в умилительный восторг при одном только упоминании имени Христа. Всё существо великого писателя преображалось, лицо принимало радостное выражение, буквально светилось от счастья, на глазах наворачивались слёзы. Он мог говорить, говорить и говорить, испытывая подлинную ненасытность от этого невыразимо дорогого имени. Однако путь писателя к такому восприятию Господа нашего Иисуса Христа был далеко не прост. Он шёл через глубокие жизненные ухабы, преодолеть которые было не каждому под силу.

Родившись 30 октября 1821 года в квартире Мариинской больницы для бедных Москвы, по народному – Божедомке, где отец его, Михаил Андреевич, служил врачом, он ещё с детства был крещён в православной вере и приобщён к её святыням.

В общем-то, Достоевский с рождения как бы обрекался стать ревностным православным христианином, ибо их древний дворянский род литовского происхождения имел в своих поколениях немало духовных

лиц Русской Православной Церкви. Так, предок писателя, Акиндей Достоевский, был иеромонахом Киево-Печерского монастыря. Другой из них, Стефан Достоевский, живший в XVII веке, стал иерархом Церкви, достигнув епископского сана. А ближайший из родни, дед Фёдора Михайловича – Андрей Михайлович Достоевский, служил протоиереем в городе Брацлаве Подольской епархии. Не случайно, как свидетельствует один из биографов писателя, с «самой ранней юности главной книгой Достоевского стало Евангелие». И даже короткая дружба с неистовым Виссарионом Белинским не подорвала основной любви Фёдора Михайловича ко Христу.

В общем, с юности, если не считать ранней смерти матери – Марии Фёдоровны, урождённой Нечаевой, в 1837 году в возрасте 37 лет, у Фёдора Михайловича всё складывалось благополучно. Закончив в 1845 году Петербургское Инженерное училище, он стал полевым инженер-подпоручиком. Затем – поручиком. Первые же литературные произведения, в числе которых были «Бедные люди» (1845), принесли Достоевскому большую известность, показав, что на литературном небосклоне России восходит новая звезда. Ради неё он даже оставил военную карьеру.

Однако знакомство в 1847 году с чиновником министерства иностранных дел Михаилом Васильевичем Буташевич-Петрашевским и кружком его единомышленников, по существу вознамерившихся продолжать дело декабристов, круто изменило жизнь отставного поручика и многообещающего писателя. Отравленные западными учениями, в данном случае философскими теориями француза Шарля Фурье, горячими поклонниками которого являлись, петрашевцы были всем недовольны, резко критикуя российскую действительность. *«Что видим мы в России? – вопрошал один из них, Момбелли. – Десятки миллионов страдают, тяготятся жизнью, лишены прав человеческих..., в то же время, небольшая каста привилегированных счастливцев, нахально смеясь над бедствиями ближних, истощается в изобретении роскошных проявлениях мелочного тщеславия и низкого разврата, покрытого утончённой роскошью!»*

«И рухнет и развалится всё это дряхлое, громадное, вековое здание... – ораторствовал другой петрашевский мечтатель о земном рае, Ахшарумов. – Вся землю нищую покрыть дворцами, плодами и разукрасить в цветах – вот цель наша», – браво итожил он, явно показывая, что при Царе это совершенно невозможно.

Так отвлечённо, чисто по-эстетски, мечтали очередные радетели о народном счастье Петрашевского, не имея никакого отношения к народу и понятия о его истинных думах и чаяниях.

В начале 1849 года утопические разглагольствования по пятницам петрашевских «благодетелей» о народе закончились. 232 из них угодили в поле зрения полиции. Чуть позже алфавитный список народников, не считая арестованных, вырос до 252 человек. После тщательных разбирательств ограничили 185-ю участниками петрашевских собраний, выявив из них 72 наиболее активных. В их числе оказался и Достоевский, арестованный в 4 часа утра 23 апреля 1849 года III-м Охранным отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Он же попал и в число 21 приговорённого военным судом к смертной казни.

Правда, вначале к высшей мере было приговорено 15 человек и 6 – к каторжным работам. Это 16 ноября 1849 года сделала специальная секретная следственная Комиссия во главе с комендантом Петропавловской крепости генералом Набоковым, созданная по инициативе Государя Императора Николая I. Её решение спустя месяц, 19 декабря, пересмотрел генерал-аудиторат, приговорив, как сказано выше, к расстрелу всех. Заговорщики обвинялись *«в покушении на составление преступного сообщества с революционными целями, заочном оскорблении царя, антиправительственной пропаганде, распространении письма Белинского (его, кстати, это злополучное письмо к Гоголю, как раз и*

оглашал в кружке Петрашевского Достоевский – В. Ц.), *богохульстве и пр.*» Официально вина петрашевцев была обнародована в виде правительственного сообщения, опубликованного 22 декабря 1849 года в № 246 «Русского инвалида». Оно начиналось словами: *«Пагубные учения, народившие смуты и мятежи по всей Западной Европе и угрожающие ниспровержением всякого порядка и благосостояния народов, отозвались, к сожалению, в некоторой степени и в нашем отечестве».*

Казнь, намеченную на полдень 23 декабря, перенесли на 9 часов утра 22 декабря. Сохраняя жизнь несчастным, Государь помиловал всех приговорённых, заменив им смерть каторгой, но без предварительного объявления этого решения осуждённым и с полной имитацией предполагавшейся казни. Остаётся только гадать, что пережили за часы и минуты до неё заговорщики! Достоевскому определили четыре года каторги с содержанием в Омском остроге в простой серой робе с бубновым тузом на спине. Одновременно он был лишён дворянства и воинского звания, возвращённых амнистией 1856 года.

«Те четыре года, – писал в письме к брату Фёдор Михайлович, – считая я за время, в которое я был похоронен живой и закрыт в гробу. Что за ужасное было это время, не в силах я рассказать тебе, друг мой. Это было страдание невыразимое, бесконечное, потому что всякий час, всякая минута тяготела у меня на душе. Во все 4 года не было мгновения, в которое бы я ни чувствовал, что я в каторге. Но что рассказывать! Даже если бы я исписал тебе 100 листов, то и тогда бы ты не имел понятия о тогдашней жизни моей!»

Но это были годы не только каторжных тягот, а и переосмысления всей жизни. Не зря Достоевскому разрешили взять с собой в каторгу лишь Святое Евангелие. Хотя тайком ему в Омске перепали и другие книги, вдобавок писатель набрасывал свои записки из «Мёртвого дома», которые хранил у себя симпатизировавший ему медик Троицкий, Евангелие оставалось главным. И, несомненно, именно оно сделало из Достоевского русского пророка, который, по словам знаменитого митрополита Антония (Храповицкого), *«раскрыл перед нами нашу совесть, как на картине; он учил нас прежде всяких теорий слушать голос своей совести, освобождать себя от рабства страстями, не в правовых понятиях, не в политической экономии, а прежде всего в душе своей...».* *«Смирись гордый человек... Смирись праздный человек, и прежде всего потрудись на родной ниве»*, – взывал писатель ко всей России! Под определяющим влиянием Достоевского Иван Сергеевич Аксаков писал, что *«гуманность, отрицающая Бога, логически приводит к бесчеловечию; цивилизация без просвещения Христова – к регрессу; свобода, где нет духа Божия, – к деспотизму и тирании...!»*

Писатель, частенько посещавший Оптину Пустынь, производил на Преподобного Амвросия впечатление кающегося грешника, то есть того состояния, которое необходимо каждому спасающемуся во Христе. Господь показал ему Рай, после чего Достоевский твёрдо и не раз ревностно возглашал во всеулышание: *«Есть Бог! Есть!»*. Этот диссонанс выглядел лучшим яркого неземного фаворского света в среде стремительно обезверивающегося общества с его «мерзкой» интеллигенцией, в которую так не верил Антон Павлович Чехов.

Тонкий знаток человеческих душ, великий писатель проник в сущность назначения родной Отчизны в системе мировых государств, громко заявляя: *«Вся Россия для того только и живёт, чтобы служить Христу и оберегать от неверных всё вселенское Православие!»*

Так удивительно скромное и тихое рождение в Вифлеемской пещере Спасителя человеческого рода, превратившееся с годами в величайший православный праздник – Рождество Христово, от которого пошло новое летоисчисление мира, явило нам и русского пророка милостью Божией, Фёдора Михайловича Достоевского, значение которого так же велико, как велика наша Матушка-Россия.